

Слід додати, що без аналізу фауністичних решток не обходиться практично жодна робота археологів, і Олег Петрович є незамінним у цій галузі. А ми, його колеги, ще не раз будемо звертатися до нього з проханням дати кваліфіковану оцінку фауністичних решток з давніх пам'яток.

Свій ювілей О.П. Журавльов відзначає в розквіті творчих сил, і колектив Інституту археології, його колеги та друзі бажають йому успіхів у науковій роботі, наснаги, цікавих знахідок та міцного здоров'я.

Щиро вітаємо Вас, Олеже Петровичу!

З повагою колеги

ПАМ'ЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОРМОЗОВА

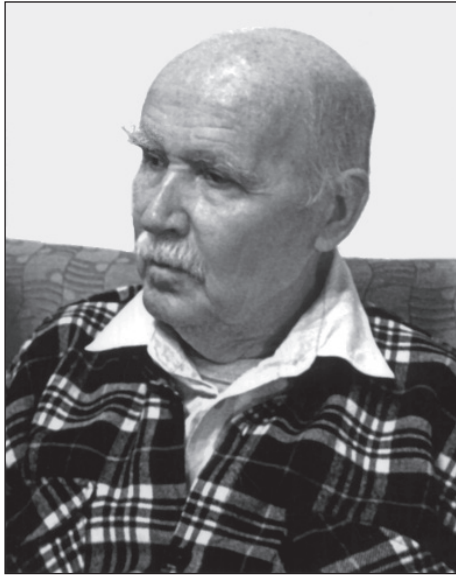
Почти шестидесятилетняя светлая дружба с Александром Александровичем (апрель 1949 — январь 2009) составляет духовное богатство моей жизни (наследие — около 200 его впечатляющих писем). Щедрая судьба связала меня с уникальной личностью высокой энциклопедической по масштабу культуры, острого ума и исследовательского таланта, особой скромности, бескорыстия и правдивости, идейной целостности и подлинного патриотизма, щедрой дружественности и гуманизма.

Наше сближение, как очень многое в самом А.А. Формозове, было совершенно необычным. Так, наша дружба, по-существу, не имела предистории — она началась сразу в полном размахе в результате первой же, вроде бы случайной встречи. Второе, пожалуй, парадоксальное обстоятельство таилось в том, что по всем линиям филогенеза, складу характеров, опыту жизни и работы мы категорически отличались. Все это, однако, никак не препятствовало нашему сотрудничеству. Не «перевоспитание» друга, а развитие его творческой индивидуальности, непременно при полной честности и открытости, заботило каждого из нас. Расхождения случались и, бывало, отражались в печати (к примеру, по теме принципиально противоположной оценки деятельности В.И. Равдоникаса). Наши же отдельные публикации по, казалось бы, общим сюжетам наглядно удостоверяют как индивидуальность автора, так и полную исключительность приемов комплиментарной поддержки.

© СТОЛЯР А.Д., 2010

Дружба с Александром Александровичем в моей жизни была исключительно важна. В ряде случаев его помощь имела для меня совершенно особое значение. А основательности взаимного познания особенно содействовали восемь лет совместных работ в Предкавказье (1957—1960, 1962—1965 гг.), организованных и проведенных по его инициативе. Самое же поразительное в летописи нашей дружбы заключалось в том, что на всем ее протяжении, при множестве сложных ситуаций, я не могу в действиях «братка» и «друзе» (так он, изредка, обращался ко мне в письмах) опознать хотя бы каплю эгоистического дегтя. Искренними и добрыми были не только наши отношения, но и многолетне наблюдаемая мной его дружба, нередко проявляемая в заботе и помощи, со значительным кругом личностей обоюбого пола и разных, преимущественно гуманитарных специальностей. В стенах института в числе таких друзей могу назвать очень естественного Ю.Н. Кухаренко.

Определив свою специализацию — первобытная археология камня, А.А. Формозов более полувека своего труда посвятил обогащению источниковедческой базы познания этого хронологически астрономического фундамента истории и теоретическому осмыслению открытых памятников. При том, что, как уже отмечалось, многое в жизненном пути А.А. Формозова было необычным, далеким от привычного стандарта — уже при поступлении в аспирантуру он отказом от предложенной кандидатуры руководителя (А.Я. Брюсова) зародил начало той драматургии отношений, которая в даль-

нейшем в разных вариантах проявлялась на протяжении всей его службы в институте. Одновременно начинающий аспирант вёл очень ответственные раскопки стоянки палеоантропа в балке Староселье (под Бахчисараем) в критически трудных условиях, которые мне довелось частично наблюдать. Итогом полевых работ крымского цикла (1952—1956 гг.) было, помимо сенсационного открытия неандертальского погребения и связанного с ним комплекса, изучение мустьерских стоянок в Кобазе и навесе Холодной балки под Симферополем. Эта совокупность памятников палеоантропа позволила А.А. Формозову поставить вопрос о локальных вариантах мустьерской культуры в горном и степном Крыму. Завершился этот цикл изучением впервые выявленной в этом регионе неолитической стоянки в балке Кая-Арасы.

Следующим полевым предприятием были восьмилетние уже упоминавшиеся, объединившие нас, очень масштабные археологические работы в Прикубанье. Этими раскопками неолитического (Нижнешиловская стоянка) и, в основном, энеолитических комплексов (древнейшая крепость Мешоко, поселение Скала, навесы Хаджох I и III, хут. Веселый, грандиозная Ясенева поляна) была создана существенная источниковедческая база для раскрытия предистории и осуществления майкопского археологического феномена. В эти годы А.А. Формозов, которого всегда чрезвычайно увлекала индивидуальная разведка, остававшаяся его наедине с природой (замечу, несмотря на явную опасность такого странствия в карстовой зоне), выявил ряд пунктов находок ашельских орудий и открыл верхнепалеолити-

ческие стоянки большой научной ценности (Каменноостовская пещера, Губские навесы).

Основную научную тему «пожизненных» исследовательских разработок А.А. Формозова составляла структурно и хронологически сложная проблема локальных вариаторов и этнокультурных областей эпохи палеолита. В финале его научного пути она дополнилась хронологически следующим разделом — темой локальных вариантов и системы периодизации по материалам комплексов мезолитических стоянок.

В отношении общей оценки этого цикла пятидесятилетних работ исследователя мне наиболее основательным представляется заключение А.Н. Сорокина — профессионала высокого класса, наделенного достойной этикой. Он утверждает, что «ни один отечественный археолог второй половины XX в. не внес столь же существенного вклада в археологию каменного века как А.А. Формозов». Итак, Александр Александрович принятую им специальность исследователя каменного века полностью реализовал на высшем уровне существенного обогащения науки. Следовательно, в соответствии с установившейся практикой, он, как минимум, заслуживал квалификации ведущего научного сотрудника, доктора исторических наук (в том числе при присвоении этой ступени путем *gonoris causa*). А он стойко держался в институте с 1954 г. (на протяжении полувека!) в форме кандидата.

К тому же А.А. Формозов в силу его духовного диапазона никак не удовлетворял тот ущербный стандарт изучения культуры эпохи камня, который установился в первобытной археологии Мира примерно в середине века. Он догматически ограничивал цель каждого конкретного исследования лишь сугубо формальным анализом индустрии, обычно поглощающим около 90 % сил и времени ученого. Мой друг, начиная с поры студенчества (публикации 1950 и 1951 гг.), много лет с исключительным пиететом, даже исследовательским воодушевлением погружался в изучение достоверных, хотя нередко и трудно распознаваемых следов зачатия творчества, возрождая тем самым прозорливые инициативы отечественных предшественников. И в этом случае он исследовательски пошел по особому, совершенно нестандартному пути. Так, вопреки утвердившейся практике опоры археолого-искусствоведческих работ широкого плана в основном на известные публикации, он, не щадя себя, принял решение об обязательном

ознакомлении с каждым изобразительным комплексом в натуре и его контекстом в природном окружении. И такой, казалось бы фантастический замысел (представить себе хотя бы диагональ на карте от петроглифов Карелии к «личинам» на скалах Амура), был осуществлен, что придало трудам А.А. Формозова уникальное ощущение непосредственного восприятия, впечатление как бы очевидца. В итоге учёный обогатил еще достаточно скромную библиографию этого предмета пятью книгами. В этой серии особенно выделяются энциклопедически исследовательские «Очерки по первобытному искусству: наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» (М., 1969), сразу же получившие очень высокую оценку в рецензиях. Число «искусствоведческих» статей А.А. Формозова — более сорока (!). В общем столь оригинальный и масштабный научный вклад в источниковедение мировоззренческого наследия первобытности оценивался бы для исследователя, занимавшегося исключительно этой тематикой, как в высшей степени значительный итог его научной жизни.

Теперь же, после представления А.А. Формозова в его двух профессиональных олицетворениях (как археолога-каменщика и исследователя «ископаемого» творчества), пришел черед выделения самого главного в его исследовательском активе. Чувство глубокого историзма явлений привело его к заключению о выпадении осмысления собственной истории из всей структуры ныне бытующей отечественной археологии. Такая как бы не замечаемая лакуна неизбежно затрудняла, а то и деформировала раскрытие глубокой связи времен в сложном ходе развития, да и очень ограничивала действительность самопознания дисциплины.

За этим последовала «титаническая и целенаправленная работа А.А. Формозова» (Г.С. Лебедев), подытоженная фундаментальной периодизацией археологии России. Тем самым он в самой сущности объективно явился основоположником и первопроходцем истории археологии нашей страны. А насущность такого разворачивания дисциплины, знаменующего ее духовную зрелость, убедительно подтверждается динамичностью становления и успешным трудом нескольких исследовательских групп подобного профиля, получивших от основателя этого знания самую прямую помощь, согретую его авторитетом.

Далее, при определении всей совокупности подлинно человеческих измерений лич-

ности А.А. Формозова следует также особо подчеркнуть его постоянную заботу о восстановлении и сбережении духовной памяти Отечества в двух ее важных проявлениях. Первый аспект передавал его боль и борьбу за сохранение памятников истории и культуры, подвергавшихся массовому уничтожению, во многом спровоцированному спекулятивными установками партийной пропаганды. Официальное пренебрежение этой темой исключало возможность публикаций. Поэтому обобщающий труд А.А. Формозова «Русское общество и охрана памятников» вышел сразу двумя изданиями слишком поздно.

Очень существенная для общей оценки нравственных устоев Александра Александровича вторая линия реализации памяти явственно передавала сострадание и боль его сердца. Она связана с персоналиями — судьбой невинно репрессированных деятелей науки. При большой опасности расплаты собственным заключением за подобную «любопытность» эти трудные разыскания проходили через всю его жизнь — от студенческих лет до кончины. Итогом такого особо нелегкого труда явилось возвращение в науку имен погибших исследователей, нередко в сопряжении с ранее неизвестными фактами их биографий.

К группе работ, также отданных памяти о коллегах, принадлежит примерно десять некрологов, опубликованных в журнале «Советская археология» (с 1992 г. — Русская). В их составе особенно выделяется очерк памяти выдающегося ученого и неординарной личности Сергея Николаевича Замятнина. Соединявшая их исключительная по взаимопониманию и доверительности дружба очень показательна для этической характеристики А.А. Формозова. Некоторые некрологи, написанные Александром Александровичем, посвящены не «светилам», а очень скромным служителям археологии (например, младшему научному сотруднику Х.И. Крис и глубокому провинциалу симферопольцу А.А. Щепинскому).

Выше наша краткая речь шла в основном об археологических работах А.А. Формозова (так сказать, персональном труде «на себя»). А он на протяжении более полувека предельно активно отдавал себя любой работе, которая была нужна родному для него институту. Такое участие в общем деле было для него элементарным долгом при полном исключении каких-то намерений продвижения по служебной лестнице. Помимо редактирования и рецензирования наиболее ответственных изданий в русле

его специализации, одним из постоянных участков его труда, лишенного персонального обозначения, были издания института — «Краткие сообщения» и «Советская археология». Уместно кратко остановиться на его причастности к выпуску множества номеров журнала, очень ответственной работе, которой он отдавался сполна как постоянный член редакционно-издательского совета или же преданный активист этого голоса археологии. На страницах журнала свет увидело более 60 (!) публикаций А.А. Формозова, посвященных как проблемным вопросам науки, так и остро дискуссионным темам. Именно в последнем варианте особенно отчетливо передавалась одна из его нравственных заповедей. Заключалась она в, скажем так, одномерном восприятии оппонентов, вне зависимости от их чинов и положения. Александр Александрович без какой бы то ни было аранжировки вел спор на равном уровне как с младшим научным сотрудником, так и академиком. Именно подобный, очень устойчивый, принцип А.А. Формозова передает его полемические споры как с Б.А. Рыбаковым (см.: СА. — 1968. — № 2. — С. 103—110), так и А.П. Окладниковым (см.: СЭ. — 1969 — № 4 — С. 99—106). Честь наших героев-академиков удостоверяется тем, что они восприняли подобное развитие полемики как нормальное и не прибегли к возможным силовым приемам давления на по-существу незащитного автора. Время неизбежно всему выставляет свои оценки!

В этом слове памяти Александра Александровича Формозова я полностью обхожу тему карьеры, под которой обычно принято подразумевать продвижение по ступеням официального положения. Причиной тому является полное отсутствие подобного явления в его жизненном пути. Несмотря на наличие исходных вполне благоприятных предпосылок к подобному продвижению, он на рубеже своей самостоятельности пришел к категорическому отрицанию такого начала. И оказался неизменно верен ему. Так, в неожиданной ситуации, открывшей возможность большой карьеры в Академии наук, он сделал все для устранения подобной «опасности».

По дружескому заключению Я.Я. Рогинского, хорошо знавшего А.А. Формозова, его церебральному типу был генетически свойственен очень сильный отзвук прямой правдивости как следствие исторически выстраданной особой духовности. С таким заключением вполне согласуются сведения о родителях

и их связи с повзрослевшим сыном. Сошлемся на его очень показательную книгу об отце Александре Николаевиче Формозове, а также заботу о публикации его научного наследия. Маму Саши, Любовь Николаевну, наделенную исключительным духовным очарованием, я хорошо знал. Их уникальные по взаимопониманию и общности отношения удостоверяются хотя бы тем, что, начиная с декабря 1967 г. (у Любови Николаевны — перелом шейки бедра, а затем непрерывные тяжелые болезни), он отдал 23 года (!) постоянному и очень напряженному, часто в условиях кризиса медицинскому дежурству, оцениваемому им как важнейший долг его жизни. Квартиру на Калужской он покинул лишь тогда, когда, надрываясь в организации этого дела, он вывозил маму на столь необходимый ей свежий воздух.

Такую генетическую посылку его слишком прямого правдолюбия, чрезвычайно осложнившего всю его жизнь, по моему мнению, усилило и дополнило еще одно обстоятельство биографии на грани начала самостоятельности. Очень большой потерей была смерть М.В. Воеводского (1948 г.) — первого археологического наставника А.А. Формозова. Так он лишился необходимого руководства, оказался в положении, можно сказать, «самородка», что в общем отвечало складу его характера.

В отличие от А.А. Формозова, у меня было много учителей и, главное, был основной наставник в лице незабываемого Михаила Илларионовича Артамонова. Для меня исключительная роль такого умудренного руководителя совершенно очевидна и, следовательно, понятен большой пожизненный урон, понесенный Александром Александровичем в данном случае.

В общем, не отрицая неоднократные случаи необычной для нас резкости в выступлениях А.А. Формозова, считаю нужным энергично подчеркнуть, что при этом ни в одном казусе не выявляются какие-то его корыстные интересы и побуждения. Он остается совершенно чистым от любого профанного целеполагания.

В заключение скажу несколько слов об этом ученом «вне археологии», отметив сразу же обширность и значительность этого поля... Устойчивая простота внешнего обличия. В этом, как и в иных проявлениях, строгое правило — «ничего лишнего!». Категорическое отрицание всяких соблазнов славы. Следствие — ни одного интервью Александра Александровича в СМИ, а также исключительная редкость его фотографий. В

противоположность такого пренебрежения всем внешним предметом безграничного интереса, более того, искреннего увлечения служили явления культуры и искусства.

В комнате на Калужской на него всегда смотрел старик у ночного костра, увековеченный кистью Н.К. Рериха. На столе три тома, истощающе представляющие импрессионизм. Издательство «Scirra»! А при первом же посещении Эрмитажа он в Больших просветах по памяти, ссылаясь на дореволюционный каталог Н.Е. Макаренко, назвал около тридцати ранее принадлежавших Эрмитажу экстра шедевров мирового значения, проданных за рубеж «по дешевке» Тракторэкспортом. Так он с болью в сердце с юных лет вел и подробный счет такой «заботе» о сбережении художественных богатств страны.

С поры юности увлечение театром, в котором решающее значение приобрел МХАТ (точнее, работы В.Н. Немировича-Данченко). Позднее такой доминантой стал балет, когда у него сложился контакт с «кругом» Галины Улановой. Поклоняясь ее изумительному искусству, он не пропускал ни одного выступления, вплоть до ее ухода со сцены (1961 г.). Близкое к профессиональному знание балета привело к предложению ему опыта постановки «Лебединого озера» в Новосибирске. В этом плане ему удалось завершить лишь разработку начальной сцены к моменту болезни мамы, когда вся его жизнь приобрела совершенно другой профиль.

Особое, нравственно доминирующее, положение в сознании А.А. Формозова занимала русская классическая литература. Началось оно, что было естественно, со сказок А.С. Пушкина, который по мере взросления все полнее олицетворял в его сознании символ светлой воли и творческого духа. Смею утверждать, что этот поэт существенно участвовал в интеллектуальном развитии каждого археолога России. Но почему-то и в этом случае только А.А. Формозов опять же как-то выбился из общего ряда и сподобился на исследование отношения великого поэта к древностям. Его книга «Пушкин и древности. Наблюдения археолога» (1979 и 2000 гг.), а также семь статей, получили одобрение строгих пушкинистов, такой очень скромный венок к памяти поэта раскрывает некоторые, до этого не выявленные особенности его колоссального образа. Думаю, что институту было бы в пору гордиться таким инициативным вкладом в общенациональную область знания, именуемую пушкиноведением. Ряд публикаций, посвященных русской литературе середины XIX — начала

XX вв. (Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Блок, А.Н. Толстой), подытожены тремя статьями по теме «Классики русской литературы и историческая наука».

Исключительная заслуга Александра Александровича в возвращении в науку трудов выдающегося историка Москвы И.Е. Забелина (два тома и серия статей) и в целом поддержка идеи краеведческого движения в Подмоскovie. А.А. Формозов при первых же встречах в Петербурге поразил меня и моих друзей (состав в основном эрмитажно-университетский) тем, что в его личности мы впервые увидели подлинного патриота Москвы, энциклопедически знающего и ценящего ее прошлое. В этой связи было единодушно принято предложенное Я.В. Доманским определение «Великий московский интеллигент».

Наше время оказалось для него непереносимо тяжелым. Его тяготила не только общая безнравственность всего бытия, но и откровенно трагическая личная ситуация при полном его бессилии и достаточном безразличии молодых коллег. Прежде всего, в виду имеется предельно нетактичное поведение украинских археологов, передавших в середине 1990-х годов открытую и изученную А.А. Формозовым неандертальскую стоянку в навесе Староселье (Крым) американцам.

Таково краткое представление широты фундаментального круга глубоких и преимущественно оригинально значимых исследований, которым А.А. Формозов отдал более полувека своей жизни, представляющей несомненный научный подвиг. Ее аспирантское начало своим динамизмом как-то напоминает явление ломоносовского пробуждения. А труды и дни его зрелости широтой их проблематики, принципиальностью и страстью исследования, его новизной и высокой нравственностью тяготеют к категории классики науки.

Александр Александрович ушел не в прошлое, а в будущее науки, когда столь ценимая им правда в истории знания сурово и неподкупно все расставит по нравственно заслуженным местам. В наши дни при, как мы полагаем, отнюдь не триумфальном, а, скорее, близком к кризисному, научном состоянии археологии страны, особенно актуальным представляется честное, сугубо действенное восприятие завещания, выстраданного А.А. Формозовым. Оно представлено в его статье «Русская археология на грани XX—XXI веков».

А.Д. СТОЛЯР